

Г. М. ШИПИЦЫНА

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород)*

О КРЕАТИВНОСТИ СОЗДАНИЯ АКТУАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ЛЕКСИКОНА

Аннотация. В статье рассматриваются пути и способы создания слов и выражений, которые в советский период эффективно выполняли функцию пропаганды и агитации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания этих средств современными носителями языка, в сознании которых они еще сохраняются в прежнем значении. Для выражения положительной оценки реалий советской действительности были приспособлены уже имевшиеся в языке слова, которые в своей семантике содержали символический элемент чего-либо прекрасного и значительного. Эти слова продолжают и дальше функционировать в русском языке в различных функциях, тогда как созданные искусственно тексты малых жанров – лозунги, призывы, пословицы и поговорки – в языке последующих периодов не сохранились.

Ключевые слова: советский период, официальный язык, лексическая семантика, прагматика, трансформация значений, лозунг-призыв, искусственные и народные пословицы и поговорки.

Введение. В советский период для выполнения пропагандистской функции партией власти был создан особый лексикон (советизмы). Этот лексикон оказался вполне эффективным, в целом он обеспечивал идеологическую переориентацию народных масс (во всяком случае, значительную ее часть, безусловно) и решал задачу воспитания строителя коммунизма как человека, озаренного мечтой о светлом будущем. Учитывая эффективный характер слово- и фразотворчества создателей советского лексикона, полагаем, что проникновение в языковые механизмы этого творчества интересно с лингвистической точки зрения, что и обусловило выбор предмета нашего исследования.

Основная часть. Изучение лексико-семантических инноваций современности в различных аспектах всегда будет важной задачей лингвистов соответствующего исторического периода (сколь бы малым по протяженности он ни представлялся), поскольку семантика и прагматика слов изменяются очень быстро. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания слова новой эпохи на старую, поскольку слово воспринимается в изоляции от своей прошлой семантической среды [Виноградов 1955: 17] и под влиянием уже новой лексической парадигмы, а также нового ореола его смыслов и прагматики (что и подтвердили проведенные нами эксперименты [Шипицына, Мамонова 2016: 21 – 28]).

Рассмотрим лексический состав советизмов с точки зрения таких их свойств, которые обеспечивали словам их вхождение в активный запас пропагандистской сферы. Разумеется, эти слова играли важную роль в вербализации основных концептов советской эпохи для создания ее картины мира и подлежали усвоению социумом. Названия предметов окружающего мира оказывают определенное воздействие на носителей языка. Постоянное обновление словарного состава в зависимости от ментально-мыслительных процессов в сознании народа, меняющихся коммуникативных потребностей и оценки объектов действительности определяют особенности категоризации познанных явлений, а также их последующую номинацию средствами языка.

Прежде всего, к новой функции выражения положительной оценки реалий советской действительности были приспособлены уже имевшиеся в активном словарном запасе слова, в семантике (точнее – в смысловой структуре семемы) которых уже был символический ореол чего-либо высокого, прекрасного и значительного, то есть сема с функцией положительного символа той или иной степени яркости. Например, такие, как *авангард* (*авангард рабочего класса*), *будущее* (*наше светлое будущее*), *вожак* (*комсомольский вожак*), *вождь* (*вожди мирового пролетариата*), *зарница* (*в пионерском лагере играют в зарницу*), *заря* (*заря коммунизма*), *знамя* (*знамя борьбы за великое дело*), *класс* (*класс рабочих и крестьян*), *маяк* (*маяки производства*), *наставник* (*наставник молодежи*), *передовик* (*передовики производства*), *порыв* (*патриотический порыв молодежи*), *прожектор* (*комсо-*

мольский прожектор), слет (пионерский слет), совет (сельский совет), соцобязательства (принять соцобязательства к съезду партии), союз (союз рабочих и крестьян), ударник (ударник коммунистического труда) и т.п., а также большой арсенал оценочных имен прилагательных типа беззаветный (беззаветная преданность партии), великий (великие свершения), героический (героический труд), гигантский (гигантские свершения), доблестный (доблестная армия), заслуженный (заслуженный артист), исторический (исторические решения Пленума КПСС), красный (красный уголок в общежитии), пламенный (пламенный революционер), почетный (почетный сталевар), принципиальный (принципиальный подход), прогрессивный (все прогрессивное человечество), расцвет (расцвет народов СССР) и т.п.

Эти и им подобные слова объединяет следующее: их внутренняя форма базируется на ярком мотивировочном признаке, а исходная семантика этимона в той или степени проступает через слои последующих семантических наслоений, что в сознании носителей языка вызывает образы возвышенной качественности, превосходства номинируемого объекта над однотипными. Это могут быть образы ярких предметов или природных явлений – света, огня (*заря, зарница, маяк, прожектор, пламенный, яркий, светлый*), образ особо интенсивного действия с преодолением стоящих на пути преград (*порыв, подъем, ударник, героический*), образ чего-то превосходящего других по своим размерам или иным достоинствам (*большой, великий, огромный, гигантский*), образ находящегося впереди чего-либо и в первую очередь принимающего на себя все то, что встретится впереди (*авангард, вожак, вождь, передовик, прогрессивный*), а также образ своеобразного успокоения, утешения, удовлетворения результатом чего-либо и достигнутой цели (*союз, совет, заслуженный, почетный, триумф, коллективный разум, полная и окончательная победа социализма*). Подобные образы влияют на прагматическую составляющую в общей семантике слова. В прагматическом блоке сем смысловой структуры семемы находятся семы, обусловленные осознанием коллективом носителей языка социально значимого содержания слова, сформированного общими для этого коллектива ассоциациями и представлени-

ями, сложившимися в национальной картине мира. Сознание людей сосредоточивает весь ментальный опыт, усвоенный ими в течение жизни, и отражает накопленные впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов или концептов единой концептуальной системы народа [Кубрякова 1994: 9].

Многие из этих языковых средств имели символическую функцию и в лексиконе прошлых периодов. Будучи изначально нагруженными прагматическим компонентом смысловой структуры языковой единицы, они составили актуальную для всякого времени часть активного состава языковых средств и по своему обобщенному значению и официальной сфере употребления приобрели признаки идеологических символов своей эпохи. Символическое значение слова можно определить как особый тип коннотативного значения слова, мотивировка которого лежит не внутри семемы, а вне языка, фактически в сфере жизни и быта народа. «Изначально символичным является не значение отдельно взятого денотата, семемы, <а само обозначаемое>, потому что какое-то действие или предмет в жизни людей обретают символическую функцию» [Медведева 1999: 61] Так, слово *знамя* в своем основном значении (*знамя-1*) употреблялось и в дореволюционный период и, в советское время, употребляется и сейчас: «прикрепленное к древку полотнище определенного цвета (цветов), с надписью, украшениями и т.п., служащее эмблемой воинской части, соединения, корабля, а также государства, какой-либо организации и т.п.» (*Уже видны были мохнатые шапки солдат, уже можно было отличить офицеров от рядовых; видно было, как трепалось о древко их знамя.* Л.Н. Толстой. *Война и мир*). В советский период второе значение слова – *знамя-2*. – «руководящая идея, служащая основой единства действий какой-либо группы, организации и т.д.» значительно расширило свою сочетаемость, породив новые обороты речи (*знамя коммунизма, знамя борьбы и труда, Ленинское знамя* и т.д. (ТСЯС), Это значение (*знамя-2*) и становится одним из символов эпохи. Ведь символ связан «с идеей некоторого содержания, которое в свою очередь служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания» [Лотман 1987: 11].

Другие слова ранее в общенациональном языке имели иное значение, а в роли советизмов значительно изменили свою семантику в несвойственной ранее для них сочетаемости. Например, если слово *знатный* в дореволюционный период обозначало «относящийся к знати» (*Знатный дворянский род*) (МАС-2), то в советское время оно приобрело значение «известный, знаменитый, прославленный» (*Знатный пчеловод, знатный колхозник*) (МАС-2). Если слово *красный* в прошлом обозначало «радостный, счастливый» (устар.) (*на миру и смерть красна*) и традиционно поэтическое употребление «красивый, прекрасный» (*Невеста красная моя*), то в советское время слово приобрело значение «относящийся к революционной деятельности» и в рамках этого значения стало составной частью фразеологизмов-советизмов (*Красная Армия, Красный уголок* – «помещение в учреждении, общежитии и т.п., отведенное для культурно-просветительной работы») (МАС-2). Для появления новой семемы необходимо осмысление и последующая вербализация на базе внутренней формы каких-либо отличительных признаков у обозначаемой реалии в сравнении с однотипными. «Выбор той или иной внутренней формы всегда обусловлен идеологически и, следовательно, культурно-исторически и социально» [Виноградов 1972: 20]. В процессах выбора внутренней формы важны также моменты фантазии, языкового творчества носителей языка, то есть их креативной деятельности.

Поскольку в языковой памяти народа сохраняется интертекстуальная и мотивационная связь языковых средств с кодами культуры прежних эпох, возникает своеобразный синхронно-диахронный диалог семиотических систем разных эпох. Часть значений у слов сохраняется в неизменном виде, тем самым в семантике слов отражается след прежнего национального сознания. С другой стороны, происходит обновление состава значений в слове и обновление внутренней структуры некоторых значений у ранее имевшихся в языке слов в результатах креативной деятельности носителей русского языка, стимулированной новыми условиями общественной коммуникации.

Языковые средства являются основными репрезентантами концептуальных категорий, так как они закрепляют в языковой картине мира результаты когниции, полученные и на перцеп-

тивном, и на креативном уровнях познавательной деятельности. Для носителей русского языка (так уж случилось в его истории) тема войны была и остается наиболее «болезненной», способной резко повысить внимание к происходящим событиям и их номинативному фону. Поэтому неслучайно для повышения социальной активности населения советской пропагандой с успехом использовалась лексика, содержащая в смысловой структуре своих семем сему «военные действия»: *бой (пьянству и разгильдяйству – бой), борьба (классовая борьба), передовая (передовой отряд), диверсия (происки и диверсии вредителей), завоевание (завоевание Октября), передний край (передний край борьбы за урожай), лагерь (социалистический лагерь), поджигатель (поджигатели войны), дружина (пионерская дружина), ликвидация (ликвидация кулачества как класса), завоевание (завоевания революции), подвиг (трудовые подвиги), фронт (маяки трудового фронта), командир, командный (командные высоты народного хозяйства), доблесть (трудовая доблесть) и т.п.* Многие из них частотно употреблялись в одной и той же сочетаемости и породили устойчивые обороты – *враг народа, Герой социалистического труда, Победитель социалистического соревнования* и т.д.

Устойчивые сочетания слов в советский период значительно увеличили свой состав за счет новообразований. Создавались минитексты высокой патетики для выражения мифологического содержания эпохи, и благодаря многократному тиражированию в пропагандистских материалах они становились устойчивыми. Для образования новых оборотов речи использовались те же механизмы фразообразования, которые уже подтвердили свою эффективность в прошлые периоды развития языка. Среди них наиболее частотные:

1. Изменение денотативного содержания стержневого слова исходного словосочетания путем внедрения в его смысловую структуру идеологических сем ограничительного типа, поддержанное определенным набором сочетаемости, – *комсомольский, (профсоюзный) вожак, буржуазная гидра, путеводная звезда, комсомольский прожектор, пионерский салют, великий машинист локомотива истории, железная (твердая) поступь социализма, опиум для народа, великий кормчий революции* и др.

2. Изменения в семном составе зависимых слов в исходной конструкции в связи с закреплением их особой сочетаемости и перепрофилированием общей семантики в сторону выполнения идеолого-пропагандистских функций – *строгий выговор, зеленая застава, ворошиловский стрелок, общенародное дело, комсомольская стройка, большой и светлый завтрашний день, родимые пятна (капитализма), закрытый кинопросмотр, загнивающая капитализм* и т. п.

Разновидностью этого способа образования устойчивых сочетаний слов является такое изменение зависимых слов, которое приводит к общей гиперболизации семантики оборота, вследствие внедрения в его смысловую структуру особо интенсивных сем с функцией высочайшей оценки номинируемого понятия – *небывалые успехи промышленности, великие свершения, великий почин, гениальное предвидение вождя, недостижимые темпы роста, немеркнущая слава КПСС, неисчерпаемая сила духа большевиков, неизбежный крах капитализма, незыблемое единство партии, неуклонный рост благосостояния народа, неутомимые борцы за пролетарское дело, нерушимая дружба стран социалистического лагеря, безграничная вера в партию большевиков, беспримерный трудовой порыв, гениальный план вождей пролетариата, великий вождь всех времен и народов, все дороги ведут к коммунизму, бескорыстное служение народу, сияющие горизонты коммунизма, бессмертное дело Ленина, Сталина* и т. п.

3. Изменение денотативного содержания всех слов словосочетания с их метафоризацией как механизм преобразования слов в компоненты фразеологизма с цельным значением – *белая жатва* («сбор хлопка»), *зеленая жатва* («сенокос»), *голубой (степной) корабль* («хлебоуборочный комбайн») и т.п. Этот способ образования фразеологизмов продуктивно использовался не только в официальном языке, но и в его народно-разговорной разновидности – *железный занавес* (о самоизоляции Советского союза), *черный ворон* (*жарг.*) (в значении «закрытый грузовик для перевозки арестованных (заключенных)

Для создания перечисленных выше языковых средств использовались слова, уже имеющиеся в языке. Их семантическая трансформация заключалась лишь в обновлении сочетаемости и

приобретении дополнительной семы с коннотативным и прагматическим содержанием.

Однако советский период языкового творчества был также ознаменован преднамеренным изобретением новых языковых средств для более действенного влияния на носителей языка. Это различного рода речовки, лозунги и призывы, специально предназначенные для усвоения и принятия их содержания в качестве руководящей идеи, принципа жизни и поведения граждан, например, *Будь готов к труду и обороне! Пионер – всем ребятам пример! Даешь пятилетку в четыре года! Народ и партия едины!*) Многие из них имели специальный зачин – *Пусть крепнет и процветает, Да здравствует ...* и т.п.

Особого внимания заслуживают сочиненные специально для воспитания народных масс паремии, то есть наиболее эффективные минитексты нравоучительного характера. Настоящая народная паремия, выражая традиционную ментальную направленность народного мышления, оказывается весьма действенным средством фиксации и трансляции многовековой народной мудрости. Ведь паремия выступает как своеобразный регулятор общественной морали, она авторитетна, ей верят, поскольку ее содержание проверено и подтверждено опытом предыдущих поколений [Семененко, Шипицына 2005]. Народная паремия учит, воспитывает, предостерегает (*Не в свои сани не садись, Стреляного воробья на мякине не проведешь, Готовь сани летом, а телегу зимой*). Эти же функции «поручены» и искусственным паремиям: *Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст; Без коллектива жизнь несчастлива; Новатору – почет и уважение, а лодырю – позор и презрение. Маменькин сынок на целину не ездок* [Жигулев 1969, ТСЯС]. Кроме того, многие псевдопаремии создавались даже по модели народных паремий, копируя их двучленную структуру: *Новатор лодырю не товарищ* (ср.: *Гусь свинье не товарищ*); *Красно поле снопами, а советская власть – делами* (ср.: *Не красна изба углами, а красна пирогами*). Однако все это не обеспечило живучесть искусственным паремиям, и дело не только в экстралингвистических факторах (у многих, но не у всех, псевдопаремий устарело денотативное содержание, поскольку исчезли номинируемые понятия). Причина нежизнеспособности искусственных паремий еще

и в том, что, в отличие от народных паремий, они создавались «на злобу дня» (организация колхозов, выполнение решений съездов КПСС, выполнение пятилетнего плана, освоение целинных земель и т. д.), тогда как народная пословица всегда уходит от конкретики. З.К. Тарланов справедливо утверждает, что пословица не допускает использования слов, конкретизирующих значение синтаксической структуры в пространственном, временном, конкретно-личном и других подобных отношениях, что синтаксическое значение пословицы реализуется как всевременное и вневременное [Тарланов 1993: 185]. Действительно, народная пословица представляет собой внехронотопную и внесюжетную ментальную концепцию организации жизненного пространства человека и принятия решений в типовых житейских ситуациях. В приведенных же выше псевдопословицах речь идет вовсе не о стереотипах, отраженных в народном сознании, а о конкретных событиях (свершениях) и их результатах в той форме, как они увязаны с пропагандистскими задачами политических лидеров. Причем, эти задачи и их решения часто выражались с чрезмерной, но неубедительной для народного сознания самоуверенностью о великолепных результатах будущей жизни, тогда как народная пословица базируется на прошлом и реальном, а главное, всем понятном и убедительном опыте (ср. псевдопословицы: *В колхоз пойдешь – богато заживешь, С богом пойти – счастья не найти, У нас сил много, чтобы жить без бога, За коммунистом пойдешь – не пропадешь* и народные афоризмы *Тише едешь – дальше будешь; Непойманную курицу уже отеребили; Не спеши языком, торопись делом*). Псевдопословицу нельзя использовать для передачи каких-либо других жизненных ситуаций, тогда как истинно народная пословица независимо от поверхностного сюжета применяется к самым разным случаям в практике жизни. Псевдопаремии отличаются от фольклорных афоризмов особо усиленной и в то же время односторонней прагматической устремленностью, прямолинейной лозунговостью и категоричной призывностью. В приведенных выше псевдопословицах также отсутствует сюжетный план поверхностной структуры, базирующийся на простейших образах и названиях предметов крестьянской жизни – *воробей, мякина, изба, пироги, сани, телега, курица, цыплята*, на которые

и возложена обобщающая функция, выражение подтекста и передачи тональности предупреждения о необходимости осторожно подходить к оценке своих будущих достижений (ср.: *Цыплят по осени считают, Сказала Настя: «Коли ж удастся!»*, *Бабушка надвое сказала, Собралась баба в рай, да черти не пустили*). Таким образом, псевдопаремии слишком прямолинейно и даже агрессивно выражали свое прагматическое содержание с целью воздействия на сознание народа в отличие от народных афоризмов, дающих ненавязчивые советы в стиле сообщения о том, что уже в прошлом случилось с людьми в подобных ситуациях. Отчасти и поэтому при всем формальном сходстве с настоящими народными изречениями псевдопаремии не смогли пополнить собой языковую картину мира русского народа.

Выводы. Как показывает проведенный нами анализ языкового материала, при создании агитационных советизмов их безымянные (или уже забытые) творцы использовали устойчивые языковые образцы и модели, однако жизнеспособность дериватов даже на период советского времени была относительной и зависела как от внешних для языка факторов, так и от действия внутриязыковых процессов и законов, а также от соответствия новообразований традиционным принципам народной ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1955, № 1.

Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. – М., 1969.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. № 3, 2004.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 754. – Тарту, 1987.

Медведева А.В. Символическое значение слова в когнитивной структуре знаний // Реальность, язык и сознание. Межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов, 1999.

Семененко Н. Н., Шипицына Г. М. Русская пословица: функции, семантика, системность. – Белгород, 2005.

Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. – Петрозаводск, 1993.

Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. – Белгород, № 14 (235), вып. 30. 2016.

Словари

МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984;

ТСЯС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

©Шипицына Г.М., 2017